

АРТЕМ БЕСТЕР

**КАК УПРАВЛЯТЬ ВСЕЛЕННОЙ,
НЕ ПРИВЛЕКАЯ ВНИМАНИЯ САНИТАРОВ**

...

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Артем Бестер

**Как управлять Вселенной, не
привлекая внимания санитаров**

«Автор»

2017

Бестер А.

Как управлять Вселенной, не привлекая внимания санитаров /
А. Бестер — «Автор», 2017

«Вселенная в опасности и в любое мгновение может погибнуть. Спасти её могу только я!» —руководствуясь этим убеждением, Мэлор Егоров, пациент психиатрической клиники, решается на побег. Мэлор уверен: в далекой деревне Внуково, в доме родителей, спрятан Пульт управления Вселенной. С помощью Пульта Мэлор рассчитывает восстановить энергетический баланс Вселенной и дать новый шанс Человечеству преодолеть гравитацию и покорить Космос. Вот только родительский дом хранит гораздо больше тайн, чем ожидает Мэлор. Содержит нецензурную брань.

© Бестер А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Побег	9
Глава 2. Знакомство с Эдом	17
Глава 3. Эд и Мэлор	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Артем Бестер

Как управлять Вселенной, не привлекая внимания санитаров

Серия «Империя во тьме»:

Как управлять Вселенной, не привлекая внимания санитаров – 2017

Код бессмертия – 2019

«Вселенная в опасности и в любое мгновение может погибнуть. Спасти её могу только я!» —руководствуясь этим убеждением, Мэлор Егоров, пациент психиатрической клиники, решается на побег. Мэлор уверен: в далекой деревне Внуково, в доме родителей, спрятан Пульт управления Вселенной. С помощью Пульта Мэлор рассчитывает восстановить энергетический баланс Вселенной и дать новый шанс Человечеству преодолеть гравитацию и покорить Космос. Вот только родительский дом хранит гораздо больше тайн, чем ожидает Мэлор.

Пролог

Здесь мы знакомимся со старшим следователем по особо важным делам Чижиковым Евгением Николаевичем.

Москва. Май 2015 года.

– Евгений Николаевич! Мы нашли его! – закричал Олег Самохвалов, ворвавшись в кабинет старшего следователя по особо важным делам.

Дремавший после плотного обеда Чижиков от неожиданности вскочил с кресла и заспанными глазами уставился на Самохвалова.

– Твою мать, старлей! – зло бросил он, наконец сообразив, кто перед ним стоит. – Тебя стучаться не учили?

– Евгений Николаевич, прошу прощения, – зачастил Самохвалов, понизив голос, – тут такое случилось! Мы его нашли!

– Кого нашли? Толком можешь сказать?

– Маньяка нашли, который на мальчиков нападает. Его одна старушка опознала. Она квартиру ему с марта месяца сдает. Понимаете, что это значит?

Чижиков встряхнул головой – остатки сна улетучились в одно мгновение.

– Понимаю. Нападения на мальчиков как раз в марте и начались. По времени совпадает. Адрес есть?

– Есть!

– Тогда чего мы ждем? – поинтересовался Чижиков, снимая со спинки стула кожаный пиджак.

– Группу захвата берем?

Евгений на секунду задумался.

– К черту группу захвата, пока они соберутся, мы на месте будем. Наш клиент насильник, а не убийца – вдвоем управимся. Имя его узнал?

Евгений открыл сейф, достал пистолет и сунул в кобуру.

– Да, Константин Бирюков.

– Ясно.

– Он вроде как из Карелии: из Петрозаводска родом, – добавил Олег.

– Откуда такая информация? – удивился Чижиков.

– Старушка паспорт его смотрела при заселении, вот место рождения и запомнила.

– Грамотная старушка попалась. Советской закалки. Поехали-ка, лично познакомимся с этим Костей Бирюковым.

Маньяк-педофил объявился в Москве месяц назад, в последних числах марта. На первых порах он вел себя безобидно для маньяка. Ходил за мальчиками девяти-двенадцати лет, фотографировал, иногда пытался заговорить и убегал при малейшей угрозе. Охотился он в разных районах Москвы, а иногда менял место по несколько раз в день, за что впоследствии и получил прозвище Коммивояжер. Его относительная безобидность и мобильность стали причиной безнаказанности, но все изменилось после первой крови.

Пятого мая Коммивояжер впервые пошел на прямой контакт с жертвой. Подкараулив десятилетнего мальчишку в одном из дворов на севере Бабушкинского района, он приставил к его горлу нож и плотно прижавшись имитировал половой акт. Видимо, он плохо контролировал себя в тот момент и поэтому оставил на шее мальчика порез: не опасный для жизни,

но достаточный, чтобы взбудоражить общественность. Неделю спустя за ним числилось три нападения, и в каждом случае он оставлял порез на горле жертвы.

К расследованию подключился Следственный комитет. Дело поручили отделу по особо важным делам – непосредственно майору Чижикову Евгению Николаевичу, как самому опытному следователю изловившего за свою карьеру не один десяток известнейших на всю страну душегубов.

Приняв дело, Чижиков распорядился собрать информацию по всем нападениям, где фигурировали преступники, похожие по описанию на Коммивояжера. Через три дня на его столе лежала внушительная гора документов. Помимо документов у полиции имелся фоторобот злоумышленника, шестьдесят процентов жертв узнавали в нем нападавшего – немного, но с этим можно было работать.

Пока шел сбор информации, маньяк совершил еще два нападения. Последнюю жертву едва удалось спасти: настолько глубоким оказался порез. Чувствуя безнаказанность, маньяк зверел день ото дня. Общественность негодовала, а начальство требовало результатов.

Проанализировав собранную информацию, Евгений с командой пришли к выводу: преступник скрывается в Гольяново. Именно там произошли первые случаи преследования мальчиков.

Чижикову ничего не оставалось делать, как устроить в Гольяново настоящую облаву. Затребовав у руководства людей в помощь, он пустил по району пешие патрули с фотороботом подозреваемого.

Безусловно, такая активность должна вспугнуть злодея. Но что он предпримет? Пустится в бега или заляжет на дно? В любом случае выбора у Евгения не оставалось: так или иначе, но нападения должны прекратиться.

Объявляя розыск, майор не надеялся на быстрый результат, но чудеса случаются. Розыск объявили вчера, а сегодня он ехал на задержание подозреваемого. Призрачный шанс задержать злодея неожиданно стал реальностью.

У подъезда их ожидала сухонькая старушка в сиреновом пальто.

– Это, наверное, Зинаида Ивановна, – предположил Самохвалов, останавливая машину.

– Зачем ты сюда ее позвал? – спросил Чижиков. – Она нам клиента может вспугнуть.

– Не вспугнет! – махнул рукой Олег. – Живет она в этом же доме и часто гуляет во дворе.

Она ключ от квартиры принесла.

Евгений и Олег вышли из машины и направились к старушке.

– Зинаида Ивановна? – Олег достал из кармана удостоверение и развернул. – Полиция.

Капитан Самохвалов.

– Я, родненький, я это, – закивала головой старушка. – Вот держи, ключик тебе принесла, как и обещала.

– Спасибо, а вы не знаете, ваш постоялец, он сейчас дома? – спросил Самохвалов, забирая ключ.

– Дома, сынок, сама видела, десять минут как зашел.

– Вот и отлично, – Евгений взял старушку за локоть и отвел в сторону, – вы, Зинаида Ивановна, тут не стойте. Опасно тут, идите домой. Мы сами справимся.

– Иду, иду, миленький, – проворковала старушка и зашагала прочь.

Чижиков и Самохвалов поднялись на третий этаж. Евгений вставил ключ в замок и почувствовал, как дверь поддалась.

– Олег, кажется, тут открыто, – прошептал он, толкая дверь, и громче добавил: – Хозяин? Есть кто? У вас дверь нараспашку.

Ответа не последовало. Евгений заглянул в комнату и кухню, а Самохвалов осмотрел ванную – квартира была пуста.

– Пусто! Евгений Николаевич, похоже, он только что ушел.

– Очень похоже, если бабка не обозналась, – согласился Чижиков, бросаясь к двери. –

Олег! Давай бегом на чердак, а я на улицу и в подвал.

Сбежав по лестнице до первого этажа, Евгений осмотрел дверь в подвал: замок на месте, петли не подломлены. Для надежности он несколько раз дернул ручку – заперто. Евгений выбежал на улицу – никого.

– Черт! Чет! Черт! – выругался Чижиков.

Достав телефон, Евгений набрал номер Самохвалова.

– Олег, что там у тебя? Точно закрыто? Ясно. Спускайся.

Чижиков дал отбой и убрал телефон в карман.

– Упустили! – тяжело вздохнув, произнес он и пнул подвернувшуюся пустую банку из-под пива.

Глава 1. Побег

Глава, в которой Мэлор задумывает и осуществляет побег, попутно вспоминая нечто очень важное.

Петрозаводск. Май 2016 года.

Одним теплым майским вечером, незадолго до заката, в психиатрической клинике, расположенной на окраине Петрозаводска, случился пожар. В тот день стояла замечательная солнечно-убаюкивающая погода. Птицы неугомонно щебетали, а в воздухе разливался смолянистый аромат распустившихся почек и запах молодой травы, успевшей пробиться сквозь прелую прошлогоднюю листву. Все это милое весеннее великолепие нагоняло на обитателей клиники определенную леность и беспечность. Возможно, именно поэтому они оцепенели, когда вой пожарной сигнализации разорвал томную негу почти состоявшегося вечера.

Первым на сигнал тревоги среагировал дежурный врач – Игорь Аристархович Островский.

– Все на выход! – взревел он, выскочив в коридор из ординаторской с огнетушителем в руках. – Чего сидим раскрыв рты? Выводим пациентов во двор! Проверяем палаты, туалеты, кабинеты. Никого не забываем – это не учебная тревога, пошевеливайтесь, мать вашу!

Последние слова предназначались замершим в нерешительности санитаркам: вой сирены застал их в комнате отдыха за просмотром вечернего ток-шоу. Взглянув на Игоря Аристарховича, бешено вращавшего залитыми пятилетним коньяком глазами, они прыснули врассыпную, исполнять приказание.

В клинике началась настоящая суматоха: захлопали двери, требовательно закричал взбуряженный медперсонал, запричитали растревоженные больные. Из дальнего конца коридора отчетливо потянуло горящими тряпками.

– Горим! Пожар! – срывая голос на визг, проорал кто-то во все горло. – Горим! Пожар!

В следующее мгновение фраза, подхваченная десятками голосов, разлетелась по коридору, заполняющемуся горьким дымом.

Мэлор сидел на краю больничной койки, размышляя над «гаримпажэм». Странное бессмысленное слово: «гаримпаж». Оно висело посреди палаты витиеватыми загогулинами и не давало покоя. Внезапно слово дрогнуло, звонко треснуло и развалилось на две части: «Горим! Пожар!». Внутри стало беспокойно. Что-то острое прочертило в груди глубокую царапину и проявилось во рту кислым привкусом. Мэлор лег в кровать, укутавшись одеялом с головой. Полежал несколько минут – беспокойство не проходило. Скрипнула палатная дверь. Мэлор максимально вжался в матрас и замер.

– Есть кто живой? – послышался незнакомый женский голос.

Пока Мэлор гадал, стоит ли отвечать, дверь закрылась. Он тяжело вздохнул, откинул одеяло и снова сел. Доносившиеся из коридора крики стали стихать. Что ему делать со всем этим переполохом? Ведь делать что-то нужно, он это чувствовал, но не понимал, как должен поступить. Пока Мэлор размышлял, не в силах принять решение, из-под двери стали выбиваться густые клубы дыма. «Нужно срочно выйти!» – здравая мысль с трудом пробилась сквозь витавшие в голове комья ваты, и Мэлор незамедлительно последовал за ней.

В опустевшем коридоре царил тишина. От едкого дыма глаза наполнились слезами, а кашель, сдавив горло, сухими щелчками стал вырываться наружу. Голова шла кругом. Неожиданно

данно из клубов дыма выскочил Игорь Аристархович в толстой марлевой повязке с огнетушителем наперевес. Мэлор от испуга замер и выпучил глаза.

– Ты что тут делаешь? На улицу! Живо! – прокричал доктор сквозь повязку, подтолкнул пациента в нужном направлении, и вновь растворился в сгущающемся дыму.

Мэлор поспешил исполнить распоряжение врача. Чувство приближающейся опасности, ярко полыхнувшее внутри, погнало его к выходу. Проходя мимо большого шкафа, предназначенного для хранения одежды посетителей, он подумал, что нашел достаточно безопасное место, и забрался внутрь. В шкафу было темно, тепло и почти не пахло дымом. Здесь Мэлор почувствовал себя в полной безопасности. Уютно устроившись на куче старых одеял, он почти сразу безмятежно уснул, и ему приснились звезды.

К моменту приезда пожарного расчета огонь удалось потушить. Игорь Аристархович, проявив предписанный инструкцией героизм, справился с возгоранием в одиночку. Все что оставалось огнеборцам, так это провести по горячим следам расследование. Очень скоро пожарные обнаружили очаг возгорания в дальней кладовой, где уборщицы хранили инвентарь. Скорее всего, пациенты, а может, и сами уборщицы устроили в кладовой курилку. От плохо потушенного окурка затлели сваленные в кучу тряпки, а от них загорелся рулон старого линолеума.

Несмотря на то, что пожар удалось потушить в самом зародыше, обратное заселение пациентов заняло большую часть ночи. Получив внеплановую прогулку, больные разбрелись по территории больничного комплекса и возвращаться в клинику не спешили. Медперсонал сбился с ног, отлавливая в потемках пациентов и рассовывая их по палатам.

Мэлор проснулся в полной темноте. Сначала он испугался, но услышав гул голосов, вспомнил, где находится, и выбрался из шкафа. Его появления никто не заметил. В коридоре по-прежнему пахло дымом. Всюду сновали обеспокоенные медсестры, проверяющие комплектность пациентов в каждой палате. Оглядевшись по сторонам, Мэлор побрел к себе.

– Стоять! Вот ты где, – услышал он голос старшей медсестры Ирины Павловны и обернулся. Медсестра сунула ему в руку пластиковый стаканчик с таблетками.

– Вот, выпей скорее, сокол мой ясный, и марш в койку! – распорядилась она и поспешила дальше, не дожидаясь, пока Мэлор выполнит распоряжение. – Олег, стоять! Стоять, я кому говорю! Да-да, это я тебе, Пахомов – не нужно тут под дурака косить, ты дурак и есть! Ну-ка иди сюда – таблетки пить будем.

Мэлор зашел в палату. Его сосед по палате, Дима Караулко, судя по мерно вздымающемуся одеялу, крепко спал. «Кремень!» – подумал Мэлор. Дима был хорошим соседом: он много спал, много ел и почти не говорил, а если и говорил, то в основном о еде и сне. На его тумбочке стоял пустой пластиковый стаканчик. Посмотрев на свой, Мэлор почувствовал, как внутри поднимается волна протеста: «Нет. Таблетки он пить больше не будет». Такое решение, неизвестно как созревшее в голове, озадачило. Раньше он всегда следовал рекомендациям врачей и не пропускал прием лекарств. Однако сегодня, проснувшись в шкафу, он почувствовал себя лучше. Именно в тот момент его осенило: виной угнетенному, а порой и сумбурному состоянию, в котором он находился последние недели (месяцы?), являлись таблетки. Или он понял это прямо здесь и сейчас? «Боже, как все запутанно!». Спрятав таблетки в карман больничной пижамы, он поставил пустой стаканчик на тумбочку и улегся в кровать. Но прежде чем заснуть, долго лежал без сна, думая, как обмануть санитарок во время утреннего обхода и избежать приема лекарств.

Проснувшись на следующий день, Мэлор испытал невиданный душевный подъем. Мир был ярким, резким и очень реалистичным. А главное, его не покидало ощущение близости чего-то

важного. Он не представлял, что это будет, но в неизбежности и важности грядущего события не сомневался ни секунды. Главное – не пить таблетки. Интересно, а сможет ли он прочитать записи в дневниках? Вскочив с кровати, Мэлор отодвинул тумбочку, аккуратно вытащил из пола кусок доски и запустил руку в тайник – небольшое пространство между чистовым и черновым полом. В свое время строители поленились приколотить небольшую вставку в углу, а Мэлор заметил и приспособил нишу для своих нужд. Или ему рассказали про тайник? Мэлор попытался вспомнить, откуда он знает о тайнике, но мозг отказывался отвечать на вопросы. Вытащив одну из тетрадей, он раскрыл ее наугад, попробовал читать и нисколько не удивился, когда у него получилось. Знаки складывались в слова, слова в предложения, а схемы соответствовали сопроводительному тексту. Он мог читать и понимать. Удивительное дело, но еще вчера написанное еле-еле поддавалось восприятию и представлялось заумным набором символов. Еще вчера ему стоило больших трудов прочесть даже одну страницу текста. И вообще, откуда у него дневник? Когда он успел его написать? До того, как попал в клинику или во время лечения? Он прекрасно помнил созданную им Теорию единой Вселенной, но совершенно забыл, когда успел изложить ее на бумаге.

«Ай да таблетки! Ай да доктора!» – подумал Мэлор. Теперь он понял, зачем его так долго пичкали лекарствами. ОНИ хотели, чтобы он писал. Он нужен ИМ вялым, апатичным, с подавленной волей. Наверняка сейчас куча специалистов в тайном бункере пытается расшифровать его записи. Или нет? Если тетради трогали, то он бы обязательно заметил. В любом случае дневник нужно спрятать назад в тайник. Убедившись, что Караулко все еще спит, Мэлор аккуратно приподнял кусок половицы и засунул тетради в нишу. И все-таки откуда он знает про половицу? Может быть, Дима показал? Или его положили в палату после него? От непривычно большого количества мыслей голова шла кругом. Поставив тумбочку на место, Мэлор взглянул на часы – 7:23, самое время осуществить ночной план.

Выйдя в коридор, он увидел Марину — рыжеволосую студентку медицинского факультета, проходившую в клинике практику. Она стояла на посту и раскладывала по стаканчикам таблетки для утреннего приема.

– Привет! – облокотившись на стойку, Мэлор попытался изобразить искреннюю улыбку.

– Доброе утро, – отстраненно произнесла девушка, даже не взглянув на него.

– Слушай, я в туалет по-большому хочу. Можно я таблетки сразу выпью, чтобы не торопиться?

Марина взглянула на часы – 7:25. Пятнадцать минут до раздачи лекарств.

– Хорошо, держи, – ничего не заподозрив, согласилась она.

Мэлор подхватил протянутый стаканчик, опрокинул содержимое в себя и с упоением начал жевать.

– Возьми хотя бы водой запей, – поморщилась Марина, подавая ему стакан, – хрустишь, как конфетами.

Мэлор благодарно кивнул, выпил предложенную воду, показал практикантке язык и направился в сторону туалета. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он залез в знакомый шкаф. Вынув из-под языка таблетки, Мэлор сунул их в карман: туда, где лежала вечерняя доза. Марина, сама того не зная, угадала: он действительно жевал конфеты-леденцы, которыми его угостил сосед Дима в обмен на обещание поделиться обеденной котлетой.

До завтрака оставалось немного времени, и Мэлор решил дождаться сигнала к приему пищи в импровизированном убежище. Лежа в шкафу, он с восхищением наблюдал, как медленно раскручивается спираль галактики – Млечный путь. Вскоре в бездонной темноте шкафа зажглась еще одна спираль, а следом еще одна и еще, и еще. А потом он вспомнил почти все и понял: он должен бежать из клиники и бежать нужно непременно сегодня.

Завтракал он молча, не обращая внимания на окружающих, ел много и с аппетитом. Несколько раз к нему подходил Дима Караулко и пытался завести разговор с прицелом заполучить недоеденную кашу. Мэлор лишь отмахивался, продолжая сосредоточенно жевать. Он не мог отвлекаться по мелочам, поскольку разрабатывал плана побега, и получалось у него это крайне плохо. Сначала он хотел бежать, съехав по проводам, как Сильвестр Сталлоне и Курт Рассел в фильме «Танго и Кэш», но передумал, поскольку с детства боялся электричества и высоты. Потом он решил уйти через подземный тоннель, как главный герой в фильме «Побег из Шоушенка», но с ходу отверг и эту идею. Во-первых, он сильно сомневался в наличии подземного тоннеля под клиникой. Во-вторых, если тоннель и существует, то сначала нужно достать его план. На это уйдет неделя, а может, и две. Слишком долгий срок. Он должен бежать сегодня, и лучше до обеда, ведь время существования мира неумолимо стремится к нулю.

По мере того как голова начинала соображать все лучше и лучше, Мэлор не переставал удивляться существованию Вселенной. По его расчетам, мир вокруг давным-давно должен взорваться, развалиться и раствориться в безбрежности небытия. Он ожидал чего угодно: пандемии, ядерной войны, удара метеорита или экологической катастрофы, но никак не тихого, мирного существования. Могло ли случиться так, что некто разузнал, где спрятано его изобретение? Ответ был очевиден: такое возможно. Но даже если это так, никто не сможет разобраться в принципе работы прибора. Никто. Даже он сам в данный момент во всех тонкостях не помнил, как работает Пульт управления Вселенной. Но это должно пройти. Чем дольше он не принимает лекарства, тем больше вспоминает и чувствует. Ему бы только поскорее сбежать.

Один писатель, обожающий прописные истины, однажды сказал: «Когда ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось». Мэлор не помнил, как звали писателя, но в тот день убедился в истинности его высказывания на собственном опыте.

Закончив завтрак одним из первых, он направился в курилку, но у запасного выхода нарвался на засаду в виде взволнованной санитарки. Она работала в клинике недавно, и Мэлор не успел запомнить ее имя.

– О! – радостно воскликнула санитарка и ткнула в его сторону пальцем. – На ловца и зверь бежит. Иди сюда! Как тебя звать?

– Мэлор, – представился он и остановился.

– Отлично, Мэл! А я Даша. Видишь тюки с бельем? – санитарка кивнула в дальний конец коридора, где огромной горой высилось упакованное в большие тряпичные мешки грязное белье. – Будешь добровольцем! Хватай мешки и таскай на улицу в машину. Понятно?

– Понятно, – кивнул Мэлор и убрал сигареты в карман.

– Вот и хорошо, а я пойду еще пару добровольцев найду.

Мэлор не испытывал никакого желания таскать грязное вонючее белье, но возражать не осмелился, поскольку не хотел привлекать внимание к собственной скромной персоне. У тюков он повстречал Михаила и Егора – ребят из соседней палаты. Они лежали в клинике недавно, но успели сдружиться. Оба были наркоманами и проходили курс реабилитации.

– Еще одного отловили, – усмехнулся Михаил, закидывая тюк с бельем на спину. – Давай, дурик, хватай мешок, только смотри пупок не надорви.

Мэлор пропустил язвительное замечание мимо ушей. Подхватив мешок с бельем, он молча направился прочь. Выйдя на улицу и закинув белье в припаркованную у крыльца грузовую «Газель», Мэлор посмотрел на дорогу, ведущую к воротам, и тяжело вздохнул. Вот она – свобода. Полсотни метров парка, четырехметровый забор и больше никаких препятствий, если не считать камер по периметру и охранника с электрошокером в сторожке. Все эти элементы по отдельности преодолимы: от охранника можно убежать, забор можно перелезть, камеру можно разбить, но вместе они представляли собой надежную преграду на пути к свободе.

На втором заходе к ним присоединились еще два человека. Их Мэлор знал плохо, поскольку жили они в соседнем блоке. Вытащив очередной тюк на улицу, он попытался затолкать его на самый верх, но мешок никак не хотел ложиться, норовя выпасть на пол. Мэлор выругался, забрался в кузов, раздвинул мешавшее белье и втиснул тюк.

– Наши тоже там пристрой! – послышался сзади голос Михаила, и два огромных тюка плюхнулись на пол «Газели».

– Не робей, смотри, еще два несут, – поддержал товарища Егор.

Взглянув на лежащие тюки, Мэлор отчетливо почувствовал, как в голове что-то щелкнуло, словно переключилось реле, и на свет родился гениальный план побега. Быстро разложив тюки, так, чтобы между ними оставалось место, он дождался, когда все отойдут от машины, юркнул в подготовленную нишу, завалил себя сверху грязным бельем и замер.

Время тянулось медленно. Больше всего Мэлор боялся, что его хватятся. Но время шло, и ничего не происходило. Периодически до него доносились звуки шагов, потом машина качалась под тяжестью тюков и вновь наступала тишина. Удивительно, но никто так и не заметил его исчезновения. Вскоре рядом с машиной послышался незнакомый мужской голос:

– Ну, хозяйка, загрузились? Можно ехать?

– Да. Все в порядке, только распишитесь в накладной!

Мэлор узнал голос, он принадлежал санитарке, руководившей погрузкой – Даше.

Какое-то время машина стояла. Мэлор даже слышал, как водитель, напевая под нос незамысловатый мотивчик, неспешно зашнуровывает тент. Вскоре его голос стих, а минуту спустя громко хлопнула дверь кабины, взревел мотор и «Газель» поехала.

– Но-о, родимая, – прошептал Мэлор и улыбнулся в темноте своему небывалому везению.

В Петрозаводск «Газель» добралась около полудня. Водители и пешеходы, находившиеся на перекрестке улиц Зайцева и Мелентьевой, очень удивились, когда из кузова стоящей на светофоре «Газели» выскочил темноволосый молодой человек в больничной пижаме и шлепанцах. Оглядевшись по сторонам, он приветственно помахал рукой водителю «Рено» стоявшего рядом и легкой трусцой побежал в сторону новостроек на набережной Онежского залива.

Забегая в подъезд дома, Мэлор молился только об одном, чтобы запасной ключ от квартиры лежал в тайнике. Поднявшись пешком на восьмой этаж, он направился к двери с номером сто двадцать четыре. Тело била мелкая дрожь. Руки тряслись. Интересно, в клинике уже заметили его отсутствие? Нащупав за верхней планкой дверного косяка кусочек поролона, он с облегчением выдохнул: ключ на месте.

Тайник над дверью он соорудил на первом курсе после того, как однажды уйдя в магазин, захлопнул дверь, оставив ключ в квартире. Позже тайник не раз выручал его в подобных ситуациях. Не подвел и в этот раз. Вытащив кусок поролона с привязанным к нему ключом, Мэлор открыл дверь и вошел в квартиру. Затхлый воздух неприятно защекотал в носу. Сколько он отсутствовал? Последнее, что он помнил – новогодние каникулы. Видимо, после них он и отправился в клинику. Во всяком случае, про университет никаких воспоминаний в голове не сохранилось. А сейчас начало мая. Следовательно, в квартире больше четырех месяцев никого не было. Мысль о четырех месяцах, вычеркнутых из жизни, ужаснула его.

Оглядывая квартиру, Мэлор вспомнил бабушку и деда. Раньше квартира принадлежала им, но в две тысячи одиннадцатом году они умерли. Сначала дед Ваня, а месяц спустя бабушка Лида. В то время он лежал в московской клинике с очередным обострением и узнал об их смерти только спустя три месяца, да и то случайно, из разговора двух медсестер, обсуждавших его. Новость потрясла Мэлора до глубины души, и с ним случился кататонический ступор. В тот раз врачам пришлось потратить немало сил и отцовских денег, чтобы вернуть Мэлора в реальный мир. Отец даже соизволил однажды появиться в клинике и осведомиться о здоровье сына. Первый и единственный раз.

Звук заработавшего лифта заставил вздрогнуть. Мэлор замер, прислушиваясь к происходящему за входной дверью. По его расчетам врачи сообразят, что он именно сбежал, а не загостился в одной из палат, часа через два-три – времени достаточно. Ему нужно лишь упаковать необходимые для путешествия вещи, взять деньги и потом его никто не сможет остановить на пути к настоящему дому. К дому, в котором когда-то давным-давно жил с родителями маленький и счастливый Мэлор. К дому, где он спрятал свое величайшее изобретение – Пульт управления Вселенной.

Звуки лифта достигли максимума и стали стихать. Мэлор с облегчением выдохнул. Он не любил лифты, считая их очень опасным приспособлением.

Пройдя в гостиную, он распахнул створки стенного шкафа. Здесь должен лежать его любимый красный рюкзак с кучей мелких несимметричных кармашков и значком «ЙА! ЙОЖЕГ!». Долго искать не пришлось, рюкзак висел в центре шкафа на вешалке, прямо поверх легкой темно-зеленой куртки, которая в мысленном списке Мэлора: «Вещи, которые я обязательно должен взять в дорогу», значилась под номером два. Далее по списку шли джинсы, носки, футболка и трусы. На их поиски ушла пара минут. Оглядев распахнутый шкаф, Мэлор не испытал необходимости в других вещах. Собственно, и в собранных он не нуждался, поскольку часто забывал менять белье, мыться, бриться и стричь ногти. Данный перечень процедур личной гигиены оставался открытым и практически бесконечным. Однако сейчас, являясь самим собой в большей степени, чем когда-либо прежде, за исключением, пожалуй, времен изобретения и сборки Пульта, он четко осознавал необходимость смены белья как неотъемлемого элемента парадигмы социальных дефиниций – во всяком случае, именно так он об этом думал.

Уложив вещи в рюкзак, Мэлор зашел в спальню и снял со стены акварельную картину с изображением Исаакиевского собора. За картиной обнаружился небольшой сейф.

– Зачем Бублики Ворам? Юля Обожает Бублики, – произнес Мэлор, глядя на сейф, и улыбнулся, словно ожидал, что тот откроется.

Однако сейф остался безучастен к произнесенному заклинанию. Тогда Мэлор стал набирать на сейфовой панели код, повторяя стишок.

–Зачем 5ублики 8орам? 10ля Обожает 5ублики!

Небольшое табло высветило код: «3581005». Сейф противно пискнул и открылся.

Способность Мэлора превращать слова и буквы в цифры и наоборот проявилась в раннем детстве. В дошкольном возрасте он легко решал примеры с четырехзначными цифрами. Ему они представлялись простыми историями из разряда: «Пирог откусила Маша, а там лежала соленая каша». Вполне очевидно – ответ будет четыре тысячи семьдесят пять. Очевидно для Мэлора, но не для всего остального мира. Собственно, именно поэтому он впервые и оказался на приеме у доктора. Его первый лечащий врач пытался найти логику в рассуждениях пятилетнего мальчишки, но вынужден был признать поражение. Как показали многочисленные эксперименты, цифры, слова и буквы для Мэлора не имели постоянной очевидной связи между собой. Так пример с соленой кашей в другой ситуации мог звучать как: «Большой синий утенок квакнул и уплыл в черную даль аллюзий сингулярности». Мэлору такая ситуация представлялась естественной: любая задача всегда имеет несколько решений. Он знал, такое происходит из-за того, что слова сами по себе не существуют. Все слова и буквы он изначально воспринимал как цифры, а потом переводил в общепонятные термины. Но всего этого пятилетний мальчик не мог объяснить дотошному доктору, да и не хотел, поскольку боялся крупной родинки, похожей на руку робота, на его шее.

Гораздо позже, будучи подростком, Мэлор прочитал в одной книжке о синестетах – людях, обладающих нейрологическим феноменом, при котором раздражение в одной сенсорной системе ведет к автоматическому, непроизвольному отклику в другой. Проще говоря, у

таких людей буквы неразрывно связаны с цветом, а движения предметов со звуками. И не только. Например, Мэлор читал о случаях синестезии, при которых звуки вызывали у человека ощущения в частях тела. Подобное трудно представить, но история знавала и более удивительные факты. Начитавшись подобной литературы, Мэлор тут же причислил себя к синестетам, но доктора объяснили, что он заблуждается. У синестетов не бывает, чтобы два плюс два равнялось лягушке. У них два плюс два всегда равнялось четырем: пусть зеленой, но четверке.

Мэлор достал из сейфа несколько тугих пачек тысячных купюр. Триста тысяч рублей – большая сумма для любого студента, но не для сына крупного московского бизнесмена. Алексей Анатольевич Егоров никогда не жалел денег для сына. В свое время он даже вывозил его в США на очень дорогое обследование. Но та поездка никаких осязаемых результатов не принесла. Американские врачи лишь подтвердили диагноз российских коллег и назначили курс дорогих лекарств. Каждый месяц, пока Мэлор жил и учился в Петрозаводске, Алексей Анатольевич ежемесячно перечислял ему на карточку шестьдесят тысяч рублей – хорошие деньги по меркам небольшого города. Мэлор редко тратил половину присылаемых денег, но каждый раз снимал с карточки все до последней копейки, поскольку не доверял пластику. И дело тут не во «всемирном заговоре» у него в голове, а в здоровом прагматизме: живые деньги принимают везде и всегда. Дважды потеряв банковскую карту, он пришел к простому решению: носить карту к банкомату раз в месяц, как сберкнижку – снять деньги. В остальное время он предпочитал пользоваться наличкой – тысяча в день.

Кроме денег в сейфе лежал ворох квитанций за коммунальные услуги и военный билет с отметкой о негодности его обладателя к военной службе. Поскольку паспорт Мэлора остался в клинике, то «военник» стал единственным документом, удостоверяющим личность. Засунув его в потайной карман рюкзака, он закрыл сейф. Оставалось сделать совсем немного: взять из прикроватной тумбочки плеер и любимый раскладной нож «Крыса» из стола на кухне. При воспоминании о ноже рука непроизвольно легла на внутреннюю сторону бедра. Там под тканью джинсов находились давно зажившие шрамы от укусов «Крысы». Мэлор не любил кровь. Мэлор не любил боль. Но иногда, пустить кровь – единственный способ убедиться в собственном существовании. Взяв плеер, он зашел на кухню и выдвинул ящик обеденного стола. Старый друг встретил его радостным блеском стали. Рукоятка привычно легла в руку. Проведя пальцем по лезвию, Мэлор убедился – «Крыса» отлично наточена.

– Рад тебя видеть, брат! – произнес он, убирая нож в специальный кармашек на рюкзаке.

Вот теперь он готов к путешествию. На сборы он потратил около получаса. Час добирался до города. Выходит, в отведенный минимум – два часа, он уложился. Чем не повод гордиться собой? Мэлор подошел к окну, отодвинул занавеску и выглянул во двор. Прямо перед подъездом стояли два белых «Киа Рио».

– Черт! – выругался он, прижавшись к стене.

Две белых машины у подъезда. Совпадение? Возможно. Или за ним следят? А если следят, то кто? Понятно, что из клиники не успели бы. Но если Пульт обнаружен, то следить за ним может любая из спецслужб России или даже мира. ЦРУ? ГРУ? МИ-6? Моссад? Да кто угодно! Но как они узнали о побеге? Неужели в клинике в него вживили наножучков? Господи! Да за время лечения его кололи сотни раз, и он мог целиком состоять из наножучков. От этой мысли вены на руках ужасно зачесались, а «Крыса» в рюкзаке чуть шевельнулась, напоминая о себе. «Потом, все потом», – мысленно успокоил ее Мэлор. – «Сейчас нет времени, нужно уходить». Подхватив лежащий на диване рюкзак, он вышел в прихожую, одел висящую на вешалке бейсболку с надписью NBA и повернулся к зеркалу. Оттуда на него смотрел невысокий худой паренек с широким скуластым лицом и грустными зелеными глазами.

– Нам пора, брат, – сказал он отражению и открыл дверь.

Лифтом Мэлор пользоваться не стал. Он с детства боялся громыхающих железных коробок, снующих между этажами на тонких тросиках. В нынешних обстоятельствах лифт мог стать настоящей мышеловкой, стоит только отключить электричество. Спустившись по лестнице на площадку между первым и вторым этажом, он выглянул в окно. Машины стояли на месте. В одной из них он разглядел силуэт водителя. Точно следят! Мозг лихорадочно работал, перебирая варианты спасения из захлопывающейся западни. Можно перейти по крыше в другой подъезд или выбраться через подвал, но для этого нужно взять ключ у старосты подъезда, чрезвычайно склочной старухи – Нины Валерьевны. Одно только воспоминание о старосте вызвало во рту кислый привкус. «Наверняка она давно завербована спецслужбами или является действующим агентом в звании полковника», – подумал Мэлор.

Значит, остается одно – попытаться проскочить мимо машин незамеченным, но как?

Он почти спустился к дверям подъезда, когда пришедшая в голову идея заставила его развернуться, взбежать по лестнице на площадку первого этажа и позвонить в первую попавшуюся квартиру. Открыли ему почти сразу. В дверях стоял ушастый белокурый паренек лет пятнадцати.

– Здравствуйте! Вам кого? – спросил он.

– Я, это... у тебя балкон на ту сторону дома выходит? – выпалил Мэлор.

– Ну да. А вам зачем? Что-то случилось?

– Случилось? Нет. Просто я живу на третьем этаже над тобой. У меня рубаху с балкона ветром сорвало, и она залетела к тебе на балкон. Давай посмотрим?

– Ну... давайте... посмотрим, – нехотя согласился паренек и посторонился. – Проходите.

Они прошли через прихожую в гостиную и вышли на балкон.

– Смотрите, тут ничего нет, – произнес паренек, по-хозяйски обводя взглядом пустую лоджию.

– И то верно, – согласился Мэлор. – А может, она под балкон залетела?

Паренек растеряно пожал плечами.

– Может и залетела.

– Нужно глянуть, – сказал Мэлор и перепрыгнул через перила на землю.

Приземлившись, он заглянул для вида под балкон.

– Странно, и тут ее нет, – растерянно произнес он после недолгих поисков. – Видимо, ветром унесло, или она вообще к соседям залетела. Я к ним позже зайду.

– На третьем этаже друг мой живет Коля, неожиданно вспомнил мальчишка и поспешно вошел в квартиру накрепко заперев за собой балконную дверь.

– И тебе всего хорошего, – иронично улыбнулся ему вслед Мэлор.

Довольный тем, как легко удалось избавиться от слежки, он зашагал прочь от дома.

Глава 2. Знакомство с Эдом

Глава, в которой Мэлор знакомится с Эдом и вместе они принимают судьбоносное решение.

Поразмыслив над тем, как выбраться из Петрозаводска, Мэлор решил воспользоваться автобусом. Самолеты и поезда отпали сразу: при покупке билетов там требуют предъявить паспорт, а на автовокзале документы не нужны. Покупай билет и езжай в любом направлении – красота, да и только. Ежедневно десятки автобусов разъезжаются от Петрозаводского автовокзала по множеству маршрутов, увозя в металлических утробах обезличенных пассажиров. Поди потом разберись, находился ли среди них некто Мэлор Алексеевич Егоров или нет.

Добравшись до автовокзала, Мэлор с разочарованием узнал, что прямых рейсов на Москву из Петрозаводска не существует. Самой отдаленной станцией назначения в южном направлении был Санкт-Петербург, и ближайший рейс отправлялся только на следующий день, в восемь утра. Поскольку иного выхода из сложившейся ситуации Мэлор не видел, то покорившись судьбе, он приобрел билет на утренний рейс до Питера и пошел искать ночлег, но прежде зашел в магазин и купил пять пачек «Честерфилда». Его организм отчаянно нуждался в никотине. Последний раз он курил в клинике, и сигаретные дьяволята, недожавшись очередной порции никотина, устроили в голове небольшой переполох, окончательно запутав и без того нестройный ход мыслей.

Зайдя в первый попавшийся двор, Мэлор устроился на скамейке у ближайшего подъезда и закурил. Первая же затяжка принесла долгожданное облегчение. Господи, неужели он выбрался? Только сейчас он почувствовал себя в относительной безопасности и осознал, как легко и непринужденно текут в голове мысли, несмотря на пережитые волнения. Непривычное ощущение. На протяжении многих недель, проведенных в клинике, его мысли оставались малоподвижными и ленивыми. Казалось, двигаясь, они оставляли за собой в голове сырые склизкие следы, подобно улиткам. И виной всему чертовы таблетки. Просто чудо, что после всего случившегося он сохранил возможность мыслить, помнил, кто он такой, помнил Теорию единой Вселенной, и место, где хранится Пульт. Его разум, превращенный медикаментами на долгое время в Мертвое море, постепенно оживал, а первые мелкие волны мыслей, набегающие на пустой песчаный берег сознания, дарили надежду на полное исцеление.

Главное – добраться до Пульта управления Вселенной. Если расчеты верны, в чем он не сомневался ни секунды, то в скором времени Вселенную ждет апокалипсис. Он должен как можно быстрее внести корректировку в ее энергетический баланс. Несколько лет назад он уже изменял структуру Вселенной, и это позволило ей просуществовать до сегодняшнего дня. Сейчас пришло время повторного воздействия. Более тонкого и глобального. Направленного не только на энергетический потенциал Вселенной, но и на изменение человека как вида. Теперь, когда у него есть понимание конечной цели, он готов скорректировать ДНК каждого человека на Земле. Правда, эффект проявится только в следующем поколении, но что такое одно поколение по сравнению со временем существования человеческого рода? Минута? Доля секунды?

Сигарета истлела, превратившись в дым и пепел – в небытие. Он прикурил от нее вторую. Курить почти не хотелось, но сигаретные дьяволята не успокаивались. Они капризничали, требуя удовлетворения своей прихоти. Мэлор не сопротивлялся – пусть курят, лишь бы не мешали

думать. Неожиданно он поймал себя на мысли, что хочет сделать две вещи: хорошенько поесть и позвонить отцу. И если от первого желания его отделял лишь путь до ближайшего кафе, то с исполнением второго намечались проблемы. Во-первых, его телефон, как и паспорт, остался в клинике, а во-вторых, он не помнил номер отца. Поразмыслив, он счел второе желание преждевременным. Скорее всего, отцу уже успели сообщить о побеге, и тот сейчас находится не в лучшем расположении духа. Что может быть хуже разгневанного отца? Пожалуй, со звонком стоит повременить до завтра или до послезавтра. Посчитав такие умозаключения убедительными, Мэлор выкинул недокуренную сигарету в мусорный бак и отправился на поиски кафе.

Вскоре он натолкнулся на небольшое заведение, расположенное в полуподвальном помещении, с броским названием на вывеске: «Карел ЕЛ». Ниже мелом кто-то приписал: «И тебе завещал». Мэлор улыбнулся. Ему понравилась игра слов, и он решил зайти.

Интерьер кафе напоминал поморскую избу позапрошлого века. На стенах, закрытых имитацией старых бревен, висели предметы быта и промысла беломорских помор, а обслуживающий персонал щеголял в некоем подобии поморских костюмов, сшитых на современный лад. Помещение оказалось небольшим и уютным. Оглядевшись, Мэлор выбрал угловой столик в правом конце зала. Не успел он сесть, как подошла официантка и принялась расставлять перед ним тарелки с едой.

– Вот так сервис, – растерявшись, произнес Мэлор, – девушка, я ничего не заказывал.

– Я знаю. Это для вашего соседа, он руки пошел мыть, – улыбнулась официантка.

– А... ясно, – протянул Мэлор и стал оглядываться в поисках свободного стола. В кафе было несколько пустых столов, но все они значительно проигрывали по расположению и освещенности.

– Вы готовы заказать? – спросила официантка, закончив выкладывать еду.

– Нет, – честно признался он, – но зато я принял решение остаться за этим столом.

Его взгляд заскользил по расставленным перед ним яствам. Мясной салат, тарелка пюре с огромной котлетой, бокал пива и аппетитные булочки с кунжутом.

– Девушка, а знаете, – окликнул Мэлор собравшуюся уходить официантку, – дайте мне то же самое, только салата двойную порцию положите, пожалуйста.

Для наглядности он обвел стоящие на столе блюда пальцем.

– Котлеты у вас мясные?

– Да, свиные, – кивнула официантка.

– А соленья есть? Огурчики или помидоры?

– У нас есть тарелка с соленьями.

– Отлично, и ее принесите, – улыбнулся Мэлор, – спасибо.

Оставшись один, он вновь окинул взглядом накрытый стол, и в животе у него призывно заурчало. Особенно аппетитно смотрелась свиная котлета, пускавшая мясные соки на пюре. Ему захотелось потянуться отломить кусочек чужой, но оттого не менее аппетитной котлеты, и отправить его в рот. Мэлор совсем собрался осуществить свой план, когда в небольшом коридоре, располагавшемся справа от стола, открылась дверь с буквой «м», и в проходе появился молодой человек: высокий, худощавый и скуластый. Длинные каштановые волосы нематыми прядями свешивались на потрепанную серую ветровку, надетую поверх черной водолазки. Картину довершали синие джинсы и салатново-оранжевые кроссовки. Незнакомец подошел к столу и замешкался.

– Прошу вас, – произнес Мэлор, отодвигаясь в сторону от еды. – Надеюсь, я вам не помешаю?

Молодой человек, не проронив ни звука, сел и пододвинул к себе тарелку с салатом.

– Меня, кстати, Мэлор зовут. А вас?

– Эд, – еле слышно произнес незнакомец.

– Что? Простите, я не расслышал?

– Меня зовут Эд. Сокращенно от Эдуарда.

– Очень приятно. Так я вам не помешаю? – повторил вопрос Мэлор.

– У вас странное имя, не русское? – ответил вопросом на вопрос новый знакомый.

Мэлор улыбнулся.

– Такое мнение в отношении моего имени – распространенная ошибка. Мэлор – советское имя в чистом виде. Расшифровывается как Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция.

Эд изобразил некое подобие улыбки и в два глотка уполовинил содержимое пивного бокала. Подошла официантка и принесла заказ Мэлора.

– Вы слишком молоды для такого имени. Как вы его получили? – спросил Эд, как только официантка отошла.

Мэлор улыбнулся. Эту историю он рассказывал очень часто, и она ему никогда не надоела. Решив не отставать от Эда, он тоже основательно приложился к пиву.

– Моего деда, по материнской линии, звали Иван Иванович, и он очень переживал по этому поводу. Имя и отчество казались ему воплощением деревенского быта. Дед считал, что именно из-за них у него не пошла карьера по партийной линии. Хотя, должен заметить, он занимал крупный пост в Министерстве путей сообщения в Петрозаводске, а потом и в Москве. А еще, как вы, наверное, догадались, он был убежденным коммунистом. Поэтому мою маму зовут Октябрина, а меня дед решил назвать Мэлор. В то время родители только начинали заниматься мебельным бизнесом и подумывали об открытии магазинов в Подмосковье, а у деда в столице имелись большие связи. Так мое имя стало предметом торгов в семейном бизнесе.

– А я так понимаю, бизнес в Москве пошел? – вполне серьезно спросил Эд.

– Насколько я знаю, да, – кивнул Мэлор, придвинул к себе тарелку с салатом и грустно добавил: – Мы с отцом давно не общались.

Некоторое время они ели молча. Изредка Мэлор поглядывал на нового знакомого, пытаясь понять: догадывается ли тот о своей болезни. Судя по всему, Эд погружался в пучину безумия впервые. Он сильно нервничал, был замкнут и неухожен. А этот потухший взгляд! В клинике такой встречался у каждого второго. Наверняка он сейчас напуган, растерян и не знает, что делать. Его состояние было знакомо Мэлору до звона колокольчиков в висках. Удивительно, но первый человек, с которым он познакомился после побега, оказался шизофреником. Пусть начинающим, но шизофреником.

– Послушай, Эд, – произнес Мэлор, переходя на «ты». – Знаю, мои слова прозвучат нелепо, но я все же скажу. То, что ты сейчас чувствуешь – мне знакомо. Я сам через это проходил не раз. Сейчас ты не понимаешь, что происходит вокруг, и тебе страшно. Мир сильно изменился за последнее время, не правда ли? И ты не успеваешь за ним. Зато если сконцентрироваться на чем-то одном, то ты очень быстро разбираешься во всех тонкостях, правда, с каждым разом проворачивать подобное становится трудней и трудней.

Мэлор внимательно наблюдал за реакцией Эда. Сначала он продолжал есть, не обращая внимания на его слова, но потом замер, словно лягушка, которой прижали лапки к брюху.

– Ты испуган и не можешь никому рассказать о происходящем, – продолжал Мэлор, внимательно глядя на уставившегося в тарелку Эда. – Ты надеешься, что скоро все закончится само собой, и мир станет прежним, но этого не случится. Мир остался прежним – изменился только ты. Скажи, ты слышишь голоса?!

Эд вздрогнул и испуганно взглянул на Мэлора.

– А будут еще и голоса?

Получив подтверждение своим догадкам, Мэлор улыбнулся.

– Может, будут, а может, сразу Чуббака придет.

– Это который из «Звездных войн»?

– Он самый. У нас, у парней, чаще всего всякая межзвездная нечисть появляется. У девчонок, как правило, люди или зверушки. Сам понимаешь, образы из пустоты не берутся, они изначально сидят в твоей черепушке и ждут своего часа. Да ты не робей, налегай на пюре с котлетой. Тебе сейчас замыкаться нельзя. Шизофрения, брат, она хитрая, сука. Чем больше ты переживаешь, пытаясь раскидать кучу говна внутри себя, тем больше ловушек она тебе расставляет. Велика ли твоя куча?

Эд, начавший есть, поперхнулся.

– Я не понимаю, о чем ты. Разве у меня шизофрения?

– А то! Самая настоящая шиза – огромная куча говна, которую ты даже не осознаешь. Но поверь мне – она есть, и ты пытаешься ее раскидать. Девушка! – Мэлор окликнул проходящую мимо официантку.

– Чего желаете? – мило улыбнувшись, откликнулась она.

– Повторите нам пиво, пожалуйста.

– У меня денег мало, – робко подал голос Эд.

– Не беспокойся, я угощаю. Так ты расскажешь, что с тобой происходит?

Эд плотно сжал губы и принялся массировать виски. Он мучительно размышлял над тем, стоит ли довериться незнакомому человеку. Все его естество кричало: «Беги! Убирайся прочь от этого чудаковатого парня. Он ненормальный!». С другой стороны, все, о чем говорил Мэлор, соответствовало действительности. Возможно, он ошибался в деталях, но в целом оказался чертовски прав. И Эд решился.

Три недели назад мир изменился. Он словно подернулся легкой сизой дымкой. Сначала Эд решил, что все случилось из-за переутомления. В ту пору он готовился к экзаменам в университете и почти не спал. Ночи напролет он зубрил учебники. И даже когда знал вопрос «на зубок», повторял его вновь и вновь, словно в этом имелся сакральный смысл. Наступил день сдачи экзаменов, и Эд сдал их на отлично, однако легче не стало. Через неделю он решил сходить в поликлинику. Терапевт ему попался молодой и внимательный. Участливо выслушав историю пациента, он диагностировал депрессию, посоветовал обратиться к психологу и назначил легкие антидепрессанты. К психологу Эд не пошел, а таблетки не принесли должного облегчения.

Усталость накапливалась. Эд мечтал выспаться, но никак не мог уснуть по-настоящему. Стоило ему закрыть глаза, как на него наваливались неприятные сновидения, в которых постоянно нужно было что-то передвигать, переставлять, считать и вновь двигать. Он буквально чувствовал, как пульсирует от напряжения мозг. Естественно, такой сон не приносил облегчения.

Через неделю после визита к врачу у Эда пропало желание общаться с окружающими. Он перестал выходить на улицу, а последнюю неделю просто лежал на диване и слушал музыку.

– А твои родители? Они не заметили изменений в твоем поведении? – бесцеремонно перебил рассказ Мэлор.

– Моя мать умерла от рака, когда мне было десять лет, – тяжело вздохнув, произнес Эд, – а отец редко бывает дома. Работает вахтами в Москве и Подмосковье. Его последняя вахта закончилась почти две недели назад. За день до окончания он позвонил и предупредил, что не приедет домой. Он там нашел женщину и остался у нее.

– Ух ты, неожиданный поворот. Ты удивишься, но наши истории похожи. Я тоже потерял мать – она пропала без вести. Ушла на работу и больше не вернулась. Говорят, сбежала с любовником. Но я ничего не помню о тех событиях, мне тогда было всего шесть лет. Месяц

спустя случился первый срыв, и меня поместили в клинику на два года. Пока я болел, отец перебрался в Москву и обзавелся новой семьей. После выписки из больницы он отправил меня жить сюда, в Петрозаводск, к бабушке с дедушкой. Тут я и закончил школу. Вот такие, брат, дела. Ты будешь есть?

Эд, внимательно слушавший Мэлора, вздрогнул, растерянно осмотрел стол и отрицательно покачал головой.

– Я наелся.

– Отлично, тогда пойдем покурим? – предложил Мэлор, выкладывая на стол тысячную купюру. – Ты куришь?

– Курю.

– А вот это правильно! Курение помогает.

– Интересно, а это как?

– Мне кажется, оно отвлекает и снимает стресс. По действию похоже на заземление, снимающее накапливающееся статическое электричество. Жизнь – это тряпка, ты – эбонитовый стержень, сигарета – заземление. Потрет тебя жизнь, и в мозгу возникает заряд. Он нарастает и наводит в голове помехи, а ты покуришь, разрядишься, и вроде все в норме. Понимаешь, о чем я?

– Чего тут не понять, – пожал плечами Эд, – экстравагантно, но наглядно.

Они вышли на улицу и присели на скамейку у входа.

– Слушай, а ты не пробовал найти мать? – спросил Эд, прикуривая сигарету.

– Искал, конечно. Бабушка и дедушка говорили, что в те времена мать и отец разошлись во взглядах на бизнес и часто ссорились. Я, действительно, помню их ежедневную ругань. Правда, я думал – это происходит из-за меня, потому что в ссорах они часто произносили мое имя. Я старался быть послушным сыном и хорошо учиться, но ничего не помогало. Они ссорились вновь и вновь. Потом отец нанял одного бывшего полицейского, чтобы проследить за матерью. Через неделю полицейский принес фотографии: на них мать целовалась с другим мужчиной. Тогда и случилась грандиозная ссора, после которой мать ушла. Думаю, она действительно сбежала к любовнику. Все ждали, что она объявится для оформления развода, однако мама так и не появилась. Позже ее объявляли в розыск, но безрезультатно. Она как в воду канула. Интересно, где она? Жива ли? А если жива, то вспоминает ли обо мне?

Мэлор замолчал. На глаза навернулись слезы. Сделав вид, будто соринка попала в глаз, он смахнул их рукавом. Несколько минут они молча курили, разглядывая проезжающие мимо машины.

– Слушай, я так и не понял, ты говорил про экзамены, – произнес Мэлор, выбрасывая окурок, – а ты на кого учишься?

– На юриста. Недавно семестр закрыл. А ты учишься или работаешь?

– Ни то, ни другое. Я сегодня сбежал из клиники, – признался Мэлор, засмеялся и добавил: – из дурдома.

– Ты не шутишь? – удивился Эд.

– А я похож на шутника?

– Вроде, нет.

– Вот и я про то же, я самый настоящий псих, в стадии ремиссии, – разгоряченно произнес Мэлор, наклонившись к собеседнику. – Иначе откуда я столько про тебя знаю? Говорю же, я пережил подобное и не один раз.

– Черт возьми, так тебя, наверное, ищут повсюду!

– Конечно, ищут, но никогда не найдут.

– Похвальная самоуверенность. И что ты собираешься делать?

– О! У меня есть одно важное дело. Слушай, пойдем по набережной пройдемся, – неожиданно предложил Мэлор. – Если ты пообещаешь никому не болтать, я тебе кое-что расскажу.

В мае солнце в Карелии почти не заходит за горизонт, и можно не опасаться быть застигнутым вечерними сумерками далеко от дома. Жители карельской столицы, уставшие от бесконечных темных зимних ночей, радуясь первым весенним вечерам подолгу гуляют по проспектам и улицам города.

Большинство петрозаводчан вечерами стремится на набережную — к воде. Красивая, закованная в гранит, она сосредоточение весенне-летней жизни города.

Разговаривая, Эд и Мэлор бродили по набережной несколько часов. Пару раз они заходили в открывшиеся раньше обычного летние кафе — выпить пива. Во время прогулки в основном говорил Мэлор. Эд больше молчал, слушал и иногда с удивлением смотрел на нового знакомого. Особенно когда тот рассказывал о Пульте управления Вселенной. А временами Эд думал об отце. Каким же он оказался козлом, бросив его на все лето ради шлюхи. А потом ему пришла в голову мысль: если Пульт действительно существует, значит, он сможет вернуть отца.

– Слушай, выходит, в две тысячи девятом ты собрал устройство, которое назвал «Пульт управления Вселенной»? – приняв решение, перебил он длинный и запутанный рассказ собеседника.

– Ну да. Ты че, мне не веришь? – обиделся Мэлор и с подозрением взглянул на Эда.

– И Пульт должен сдвинуть ход всех событий во Вселенной в положительную сторону? Тогда Вселенная не разлетится на клочки, а люди в ней станут жить лучше и счастливей?

– Конечно, я тебе только об этом и талдычу. Люди погрязли в мышинной возне на Земле. Гравитация забирает слишком много наших ресурсов. Ты должен понимать — мы копошимся на дне огромного гравитационного колодца. Вместо того чтобы осваивать космос, человечество роет себе энергетическую могилу. Мы не открываем новых энергоносителей, а старые почти исчерпали. Поэтому, пока у нас есть ресурсы, мы должны освоить технологии для покорения Вселенной. Иначе через двести-триста лет человечество утратит такой шанс. Гравитация навсегда лишит нас возможности летать, и мы не сможем предотвратить смерть Вселенной.

Под конец короткого монолога Мэлор почти кричал.

– Нет-нет. Как раз это я прекрасно понял, – как можно спокойней произнес Эд. – Ты не подумай. Я тебе верю. У меня есть только один вопрос.

– Какой?

– Ты сказал, энергетическая пульсация, производимая Пультом, сдвинет в положительную сторону... гм... этот... как там его?

– Территориальный тонус социального настроения, – подсказал Мэлор.

– Во-во... тонус социальный в Москве и Подмоскovie, а потом это перекинется на всю Россию, а позже и на всю планету. Значит, люди повсеместно станут лучше?

– Конечно! Что за глупый вопрос?! Лет через двадцать ты увидишь, как сильно изменится мир. Люди будут добрее и честнее. Их моральные ценности вырастут в разы. А самое главное, у них появится желание менять мир вокруг себя в лучшую сторону. Не лежать на диване и смотреть телик, а действовать.

– А мой отец? – несколько смущенно произнес Эд. – Как ты думаешь, действие Пульта может заставить его вернуться?

– О чем речь! Он у тебя в Подмоскovie работает?

– Ну да.

– Тогда тебе нечего переживать. В первый раз я использовал Пульт в начале две тысячи девятого года. Это было первое воздействие. Как видишь, оно сработало – мир выстоял. Мы выбрались из экономического кризиса. Вселенная до сих пор существует. Пусть и на грани

бытия, но существует. Жаль, второе воздействие я не смог осуществить своевременно, и некоторые направления получили отрицательный вектор. Можешь не сомневаться – отец вернется. Многие отцы вернутся в семьи. А в следующем поколении человечество изменится кардинально.

– Слушай, раз такое дело, тогда у меня есть предложение, – сказал Эд, окончательно решившись на осуществление созревшей в голове авантюры.

– Что за предложение?

– Я предлагаю поехать в твою деревню на машине моего отца.

– Ух ты! Круто, – от неожиданности Мэлор даже остановился, – и какая у него машина?

– «Киа Рио».

– Неплохо. Белая?

– Белая, а ты откуда знаешь?

– Угадал.

– Ну тогда пошли. Сегодня переночуем у меня, а утром двинемся в путь, – предложил Эд.

– Конечно, конечно, – озабочено кивнул Мэлор, резко развернулся, и быстро пошел прочь.

Эд некоторое время стоял, в недоумении глядя ему в спину. Поняв, что Мэлор не шутит, он кинулся его догонять.

– Мэлор, стой! Мэл! Что случилось?!

Догнав товарища, Эд схватил его за рукав.

– Ты можешь минутку подождать? Что, черт побери, с тобой происходит?

– Ты спрашиваешь, что происходит? – буквально проорал Мэлор, отдергивая руку. – Сколько тебе лет, Эд?

– Двадцать четыре.

– Вот-вот, тот самый возраст, когда молодые курсанты заканчивают всякие школы МВД, ФСБ и ГРУ. Признайся, Эд, ты один из них? Да? Это ты стоял на белом «Киа» у моего подъезда сегодня утром?

– Из кого из них? У какого подъезда? – Эд выглядел растерянным.

– Один из шпионов, приставленных следить за мной! Невероятно! Стоило мне сбежать из клиники и собраться за Пультом, как тут же находится добрейшей души человек с машиной, готовый отвезти меня хоть на край света! Все это выглядит, как подстава.

– О Боже! Так вот ты о чем! – наконец понял Эд. – Конечно, нет. Я не один из них. Черт возьми! Подумай сам. Как я мог оказаться в кафе до того, как ты туда зашел, заказать полный стол еды и спрятаться в туалете? Думаешь, я умею предвидеть будущее? Ты ведь у нас на физмате учился? Вот и сложи два плюс хрен.

Разгоряченный Мэлор несколько раз громко вздохнул, подыскивая аргументы для ответа, и замер, заметив прохожих, заинтересованно наблюдающих за их перепалкой. Сделав Эду знак рукой, он спешно направился к одной из расположенных неподалеку скамеек.

– Допустим. Допустим, ты не шпион, – почти прошептал Мэлор, когда новообретенный приятель уселся рядом.

– Я точно не шпион, – зло прошипел Эд. – Без всяких допустим!

– Хорошо, без допустим. Подожди минуточку, – Мэлор вскочил со скамейки и подошел к проходящей мимо пожилой женщине в синей вязаной кофте.

О чем он с ней разговаривал, Эд не слышал, но зато видел, как Мэлор время от времени указывал в его сторону пальцем. По жестам он догадался, о чем идет речь.

– Хорошо, допустим, ты не шпион и действительно существуешь, – сказал Мэлор, вернувшись к скамейке.

– А с чего ты решил, что я существую? – весьма серьезно спросил Эд.

– Я поговорил с женщиной и описал тебя. Она подтвердила: ты выглядишь именно так, как я тебя вижу. Этого вполне достаточно, чтобы убедиться в твоём существовании.

– С какой женщиной? Я поблизости никого не видел, – еле сдерживая смех, произнес Эд.

– Да вот же... старушка, недавно тут стояла, в синей кофте, – испуганно вымолвил Мэлор, оглядываясь по сторонам.

Сохранять серьезное выражение лица, глядя на Мэлора, было выше всяких сил. Захотав в голос, Эд завалился на скамейку.

– Значит, юморим, – совершенно спокойно констатировал Мэлор, вернувшись через некоторое время к скамейке. Он только что замучил расспросами сидящую неподалеку парочку и, похоже, остался доволен полученными ответами. Правда, парочка после разговора поспешила ретироваться.

– Ты меня прости, конечно, но это перебор. И с агентами и с расспросами людей, – произнес Эд. – Я полагаю, теперь ты успокоился? С чего ты вообще решил, что кто-то знает про Пульт?

– Я рассказывал о нем докторам.

– И они серьезно восприняли твои рассказы?

– Не могу сказать, – озадаченно произнес Мэлор. – Они делали вид, что это мои дурацкие выдумки. Но доктора очень опасны. Они умеют обманывать. А еще они умеют сажать в твои мысли зерна сомнения, и тогда все, во что ты верил, начинает рушиться.

– Слушай, а Пульт вообще кто-нибудь видел? – вновь спросил Эд. – Кроме тебя, естественно?

– Да, мой отец. Я тогда жил в столице и готовился поступать в один московский университет. Отец снял мне квартиру неподалеку от офиса своей фирмы, чтобы я мог готовиться к экзаменам. И вот однажды он приехал в гости и увидел, как я работаю над Пультом. Отец назвал мою работу глупостью и пригрозил выкинуть. Именно поэтому я отвез Пульт в деревню и надежно спрятал.

– Вот видишь, – примирительно произнес Эд. – Вполне возможно, кроме докторов и отца никто не знает о твоём изобретении. Тебе нужно успокоиться на этот счет. Что скажешь? Идем ко мне ночевать или продолжаем играть в суперагентов?

– Ладно, пошли, – кивнул Мэлор. – Хотя постой. А ты разве со мной там не был?

– Где? – нахмурился Эд.

– В Москве, когда я создавал Пульт?

Эд улыбнулся.

– Мэл, ты ничего не путаешь? Мы только сегодня познакомились. Помнишь?

– Помню, – совершенно спокойно ответил Мэлор. – Просто мне на секунду показалось – ты там был, а теперь я понимаю, что нет.

– И часто у тебя такое бывает?

Эд явно иронизировал, но Мэлор ответил серьезно.

– Не знаю. Раньше вроде такого не случалось. Ты пойми, я после приступов предшествующие несколько недель почти не помню. Так что возможно такое со мной иногда случается. Ну? Мы идем? Нам куда?

– В принципе, можно подняться по этой улочке до Первомайского проспекта, а там и до дома рукой подать.

Вечером, лежа в кровати, Эд долго прислушивался к мирному сопению Мэлора в соседней комнате и думал о том, в какую передрагу ввязался. Он ни секунды не сомневался: никакой шизофрении у него нет. Глубокая депрессия – вполне вероятно. И связана она в первую

очередь с отцом. Плюс стресс, вызванный усиленной подготовкой к экзаменам. Но не шизофрения.

Большую часть детства Эд рос брошенным ребенком в родной семье. Отец все свободное от работы время тратил на уход за тяжелобольной мамой. Его воспитанием он почти не занимался. Эд рос замкнутым мальчиком, измученным болезнью матери, возможно, даже больше, чем она сама. Другими он не обзавелся: ни в школе, ни позже в университете. В подростковом возрасте Эд познал много боли и унижения. По большей части в школе, где его постоянно задирали одноклассники. В университете над ним просто посмеивались и избегали общения. Правда, с некоторыми ребятами у него сложились вполне сносные приятельские отношения, но назвать их «дружбой» он бы не решился.

И вот он познакомился с Мэлором. Парень сразу ему понравился. Хотя бы тем, что был более сумасшедшим, чем он сам, и в то же время производил впечатление энергичного умного человека, имеющего определенную цель. Пусть даже эта цель и некий фантастический Пульт управления Вселенной.

Эду хотелось верить в существование Пульта и в его невероятные возможности, с помощью которых он сможет вернуть отца. А если окажется, что Пульт всего лишь выдумка, то Эд не слишком расстроится, ведь у него останется друг – Мэлор, немного сумасшедший, но самый настоящий. Хотя нет, конечно же, он существует, этот гребаный Пульт управления Вселенной. Ведь каждый человек имеет право на счастливую жизнь. Даже такой несчастный, как Эд. И даже такой сумасшедший, как его друг – Мэлор. Каждый человек! Каждый...

С этой мыслью Эд и заснул.

Глава 3. Эд и Мэлор

Глава, в которой Эд и Мэлор едут в машине и все время о чем-то разговаривают.

Утро следующего дня выдалось солнечным, безветренным, впрочем, как и все остальные на этой неделе. Эд проснулся от грохота посуды и запаха кофе, доносившихся с кухни. Встав с кровати, он натянул штаны, футболку и в полудреме побрел на запах кофе.

– О! Проснулся! Доброе утро, – приветствовал его розовощекий и улыбчивый Мэлор. – Яичницу будешь?

– Буду, – пробубнил Эд и встряхнул головой, пытаясь прогнать остатки дремоты. – Ты по утрам всегда так отвратительно свеж и весел?

– Всегда, если утро начинается за пределами клиники.

Мэлор поставил на стол сковороду с яичницей и налил кофе в приготовленные чашки.

– Знаешь, что я подумал? – спросил он, усаживаясь за стол.

– Что? – нехотя переспросил Эд, прихлебывая из кружки мелкими глотками горячий кофе. Это солнечное яично-кофейное утро начинало ему нравится.

– Я подумал, что прежде чем уехать из города, мы должны заскочить на автовокзал и сдать билеты до Питера. Деньги у меня есть, но это не повод ими разбрасываться.

– Кстати, актуальный вопрос, – заметил Эд, ковыряя яичницу вилкой. – У меня тысяча десять всего осталось. Правда, отец обещал прислать еще. Вопрос только, когда он сподобится?

– Не переживай, – успокоил его Мэлор. – Моего запаса на месяц путешествия хватит, а ехать нам день, максимум два.

– Хорошо. Тогда завтракаем и в путь.

Сборы много времени не заняли. Эд, как и Мэлор, предпочитал путешествовать налегке. Сложив вещи в небольшую спортивную сумку, он отключил дома газ, воду и все электроприборы. Заперев квартиру, новоявленные друзья спустились во двор к машине.

– Можно я поведу? – попросил Мэлор, глядя на белую «Киа Рио», припаркованную у подъезда.

– А у тебя права есть?

– Ты чего? Откуда? С моим-то послужным списком? Но водить я умею хорошо: отец в детстве научил, да и дед разрешал покататься.

– Ладно. Тогда давай сначала выберемся на трассу, а там посмотрим.

На том и порешили. Погрузившись в машину, приятели заехали на автовокзал, сдали билет и направились к выезду из города.

За городом Эд пустил Мэлора за руль. Первое время он переживал относительно его способности управлять автомобилем, но увидев, как тот уверенно ведет машину, успокоился.

– Слушай, Мэл, а как ты изобрел Пульт? Наверное, много чего нужно знать, чтобы создать такую штуку?

– Не то слово! – ответил Мэлор, не отрывая взгляд от дороги. – Две тысячи книг пришлось прочитать, не считая статей и выкладок.

– Сколько?! – удивился Эд. – А когда ты успеваешь делать все остальное?

– Ты знаешь, говорят, гении – хорошо законспирированные шизофреники. У некоторых психически больных проявляются недоступные обычным людям способности. Моя способность – суперпамять. Я запоминаю огромные объемы информации за считанные минуты. Более того, мое восприятие мира устроено особым образом. Для меня слова и числа взаимозаменяемы на сто процентов. Мой взор в буквальном смысле оцифровывает мир. Я думаю числами.

– Это как?

– Ну, чтобы тебе стало понятно, приведу самый простой пример. Он будет очень далек от истины, но другими словами передать то, что я чувствую, невозможно, а цифрой ты не поймешь. Например, слово мама для меня «41», где четверка красная, а единица синяя.

– 41? – повторил Эд, задумчиво глядя на бегущие мимо дорожные столбики. – И как такое может напоминать маму?

– Все очень просто, – самодовольно произнес Мэлор. – Ты ведь знаешь, что у всех букв в алфавите есть порядковые номера?

– Допустим.

– Так вот, у буквы «а» порядковый номер – «1», у «м» порядковый номер «14», десятку заменяет цвет, получается красная четверка. Синяя единица означает повтор. Вот и выходит: мама равно «41». Но на самом деле это очень приближенное и упрощенное объяснение. Все гораздо сложнее, поскольку никаких цветов у меня в голове нет. Если хочешь, можешь представить слово в виде сложного цифрового образа, означающего несколько понятий одновременно и только в сочетании с другим приобретающее значение «мама». Короче, любое из приведенных объяснений будет правильным лишь отчасти и равноудаленным от истины.

– Знаешь, из твоего рассказа я понял только то, что ни хрена не понял. И твой способ мне не кажется легче обычного алфавита, – усомнился Эд.

– Ты прав, но я вижу мир таким с детства. И думать, как обычный человек, мне очень неприятно, а иногда даже больно. Потому что ваше мышление очень червячное.

– Червячное?

– Да. Но не в смысле кольчатое, а в смысле плоское.

– Знаешь, а ты сейчас похож на Шелдона Купера, – улыбнулся Эд, совсем не обидевшись.

– «Ах ты гравитация, бессердечная ты сука!» – не задумываясь ни на секунду, процитировал героя известного молодежного сериала Мэлор.

Эд, не ожидавший, что его приятель смотрел «Теорию большого взрыва», рассмеялся.

– Но мы отвлеклись, – произнес Мэлор. – Однажды ночью я спал или просто думал... точно не помню, как это случилось. Я лежал и оцифровывал мир. Оцифровывал и оцифровывал. В какой-то момент я оцифровал всю Вселенную и очень удивился – ее результат равнялся нулю. И, скорее, отрицательному нулю, чем положительному. Ты даже не представляешь, как я испугался.

– Ты оцифровал всю Вселенную до последнего атома? – в голосе Эда сквозило явное недоверие.

– Да, только до последнего кварка, а не атома, – совершенно невозмутимо ответил Мэлор. – И тогда я понял, что должен создать Пульт. Прибор, с помощью которого можно сдвинуть Вселенную от нуля к единице. Такое воздействие позволит в будущем, пусть и далеком, создать сознание за пределами привычной нам материи.

– Ты собрался сдвинуть Вселенную? Вчера ты говорил о некоем воздействии.

– Не воспринимай все буквально. Я собираюсь осуществить энергетический сдвиг с небольшой коррекцией миропорядка. Более того, как ты знаешь, я уже совершил Первое воздействие. Но Вселенная довольно упрямая штука и будет всегда стремиться к нулю. Поэтому периодически необходимо ее подталкивать, чтобы она развивалась в нужном направлении до тех пор, пока не привыкнет.

– А как сознание может существовать без материи?

– Я сказал, за пределами привычной материи, а не без материи, – поправил Мэлор.

– Ну и как сознание может существовать «за пределами привычной материи»? – переспросил Эд с нажимом на последние слова. – Что бы это словосочетание ни означало.

– Сейчас подобное кажется невероятной задачей, но со временем человек найдет способы ее решения.

– Ты уверен? А если ничего не получится?

– Другого выхода нет. Единственная логическая цель существования любых живых существ во Вселенной – власть над материей.

– А как же мир духовный? Как же Бог? – не успокаивался Эд.

– Полная власть над материей дает невероятные возможности для духовного совершенствования. А Бог, если он и существует, является расой разумных существ, достигшей абсолютной власти над материей раньше других. В лучшем случае, материальный мир ему давно неинтересен.

– Уф-ф! Ну ты и задвинул, – Эд достал сигарету и закурил. – Чувствую себя настоящим вершителем судьбы рода человеческого.

– Так оно и есть, только вершитель я, а ты мой помощник.

– Как угодно, босс, – усмехнулся Эд, – желаете сигарету?

– Да. Прикури, пожалуйста, – Мэлор по-прежнему вел машину, не отрывая взгляд от дороги.

Эд выбил из пачки сигарету, прикурил и протянул товарищу.

– Ты знаешь, Эд, а я ведь всегда мечтал петь, или рисовать, но петь больше, прямо с самого детства мечтал, – затянувшись произнес Мэлор.

– Так в чем проблема?

– Голоса нет.

– Совсем?

– Окончательно и бесповоротно. А слух есть. Абсолютный слух. Я и ноты понимаю и мелодию любую могу сочинить. А голоса нет, и все тут.

– Прямо-таки любую мелодию? – недоверчиво уточнил Эд.

– Конечно, это совсем не сложно.

– Тогда сочини.

– Прямо сейчас? Запросто!

Мэлор впервые с момента, как сел за руль, оторвал взгляд от дороги и посмотрел в боковое окно, затем взглянул на Эда, улыбнулся и принялся мурлыкать под нос незамысловатый, но приятный мотивчик.

– И как тебе? – спросил он, закончив напевать мелодию.

Мелодия показалась Эду простоватой, но довольно веселой, о чем он честно сообщил Мэлору.

– Вот видишь, а будь у меня голос, я тронул бы твое сердце и вообще сердце каждого. Например, как Высоцкий. Расскажу тебе случай. Однажды мы с мамой шли на реку купаться, а впереди шел мужчина: высокий, загорелый, в шортах и рубашке. Он шел и пел. О, как он пел, Эд! Не голос, а выстрел в душу. Мы с мамой наслаждались его пением. Мне тогда казалось, что в мире нет ничего прекрасней. Сейчас я знаю – есть, но тогда голос пленил меня. Мы долго шли за мужчиной, но в какой-то момент он оглянулся, увидел нас и замолчал. С тех пор мне казалось, что миру не хватает легкой, словно ветерок, мелодии, звучащей отовсюду и из ниоткуда одновременно. Это продолжалось до тех пор, пока я не понял, что мое мировосприятие и есть та сказочная мелодия, звучащая из самого сердца Вселенной. И тогда я понял: чем бы человек ни занимался, в момент, когда он достигает великолепной степени совершенства в своем деле, он начинает слышать музыку Вселенной и обретает голос.

– Я так понимаю, речь идет не о настоящем голосе? – на всякий случай решил уточнить Эд.

– Как раз наоборот, о самом настоящем. Конечно, такие люди говорят за себя своими творениями, но и сами по себе они становятся мощнейшими магнитами. Их голоса, звучащие в унисон с мелодией Вселенной, заставляют других людей совершенствоваться.

– Все это очень романтично, интересно и, возможно, ты прав, но мы можем ненадолго прерваться, мне срочно нужно в туалет.

– Вот так всегда. Умеешь ты опозлить момент. По-маленькому или по-большому?

– По-маленькому.

– Тогда на той отворотке и встанем, – Мэлор указал пальцем на небольшой песчаный пяточек на обочине дороги.

Взглянув на одометр, он с удивлением понял, что за два с половиной часа они одолели больше двухсот километров.

– Хочешь, расскажу забавную историю? – спросил Мэлор, когда Эд вернулся в машину.

– Еще одну? Отчего бы и нет, – согласился тот. – Рассказывай.

– Тогда слушай, – начал рассказ Мэлор, заводя машину. – Это случилось в клинике, незадолго до моего побега. К нам привезли запойного мужика по имени Алексей. Вечером перед сном он рассказал нам интересную историю. Оказывается, незадолго до того, как лечь в клинику, он узнал, что его дед закопал в огороде клад.

– Самый настоящий клад? – заинтересовался Эд.

– Ты слушай и не перебивай. Прадед Алексея служил у барина управляющим. Во время революции, пока коммунисты арестовывали барина и его семью, он умудрился стащить из усадьбы ларец, полный золотых червонцев, и припрятал его у себя на дворе. А перед смертью рассказал сыну, то бишь деду Алексея, где находится схрон. Дед Алексея долго не знал, как распорядиться свалившимся на него богатством. Сам понимаешь, какие времена были. За припрятанное золотишко могли и к стенке поставить. А потом началась война. Дед пошел на нее добровольцем. Уходя, он положил в сундук с личными вещами письмо с указанием места, где зарыт клад, и наказал жене не открывать сундук до тех пор, пока не вернется с фронта или пока на него похоронка не придет. Так случилось, что дед на войне погиб. Бабка Алексея, когда сундук разбирала, письмо нашла, но открыть не решилась, хотя на нем ее имя стояло. Очень сильно она по мужу горевала и не хотела печаль усиливать. Так и пролежало письмо до наших времен. А вот перед смертью вспомнила старушка о нем и попросила внука прочитать письмо. Так Алексей узнал, где клад с золотыми червонцами закопан.

Они догнали большой лесовоз с прицепом, и Мэлор замолчал, сосредоточившись на обгоне.

– Так он выкопал клад? – спросил Эд, еле дождавшись окончания обгона.

– Нет. Не успел. Семья Алексея давно перебралась в Петрозаводск, а клад зарыт в деревне Вонга, где жили дед и бабка. Алексей решил отправиться в деревню за кладом. Взял отпуск и на радостях запил. Грех, говорил, не запить: счастье вот оно – рукой подать. Так бы весь отпуск и пропил, да родители вовремя спохватились. Люди они небедные, вот к нам в клинику на платное лечение его и определили. А Алексей пока в себя приходил, все про клад и растрепал: и где деревня находится, и как дом стоит, и под каким деревом сундучок прикопан. В тот вечер, как только Алексей уснул, мужики в палате долго шушукались, замышляя план побега — очень им золото барское глянулось. Дай, что ли, сигарету!

Эд, ловивший каждое сказанное слово, от неожиданности вздрогнул.

– Что? – растерянно спросил он.

По отрешенному выражению серых глаз становилось понятно: секунду назад в своих фантазиях он копал клад с золотыми червонцами в неизвестной ему деревне Вонга.

– Сигарету, говорю, дай! – улыбаясь, повторил Мэлор.

– А! Сейчас, – Эд взял с приборной панели пачку и раскурил для себя и Мэлора по сигарете. – И что мужики? Сбежали?

– Не успели.

– А почему?

– Да потому. Утром пришел врач и рассказал, что Алексей не только выпивоха, но и патологический врун – мифоман. Есть такое психическое расстройство, когда человек ни минуты не может жить без вранья.

– Ты серьезно?

– А то! – рассмеялся Мэлор. – Алексей придумал историю про клад от начала и до конца. А ты, я смотрю, уже лопату приготовился искать, чтобы барское золото копать.

– Ничего я не приготовился, – обиженно ответил Эд. – А лопату... Че ее искать? В багажнике она лежит. У меня батя мужик запасливый.

– Ладно-ладно, но согласись, забавная история?

– Захватывающая, – кивнул Эд. – Только толку от нее – кот заплакал.

– Не скажи. Теперь я вспомнил. Именно тогда я и начал думать, как выбраться из клиники. Лекарства, которыми меня там пичкали, подавляли волю. Если бы не Алексей с байкой о золоте, я бы по-прежнему сидел овощем в палате. Его рассказ разбудил во мне желания. Я ухватился за них, как за последнюю соломинку, и стал карабкаться вверх. Нет, Эд, все происходящее в нашей жизни важно. Человек должен постоянно быть начеку. Шансы – они вокруг нас. Нужно только вовремя распознать их и использовать. У меня знакомый есть, сколько его помню, он всегда книгу хотел написать. Сюжет заковыристый придумал и даже название: «Старик и мальчик». Много раз он мне сюжет пересказывал, но книгу так и не написал, а зря, очень увлекательная книга могла выйти. Справедливости ради нужно сказать, что он пару глав все же написал, но дальше дело не двинулось. А через год книга с подобным сюжетом вышла в одном из издательств. Так и прошляпил друг свой шанс.

– В моей жизни таких шансов не было, – категорически заявил Эд.

– А вот и были!

– Нет!

– Да!

– Нет!

– А я?

– А что ты? Ты шанс?

– Я шанс! Ты подумай над этим немного. Посоветуйся сам с собой. Как ты себя чувствуешь? Лучше, чем вчера? Или так же угнетен?

Эд замолчал, разглядывая частокос сосен, пробегающий за окном.

– Не знаю, как насчет шанса, но ты прав, – наконец произнес он. – Сегодня я чувствую себя лучше, чем вчера. Ненамного, но лучше.

– То-то, – поучительно произнес Мэлор. – А ты думал, почему ты такой? И почему в последнее время стал чувствовать себя хуже?

– О чем речь, конечно, думал. Вот только думать тут не о чем. В детстве я пережил тяжелую травму, связанную с потерей матери, а теперь меня и отец бросил – так доктор говорил.

– Дурак твой доктор. И ты дурак, если думаешь так же.

– Сам ты дурак, – обиделся Эд. – Когда мама болела, отец меня совсем забросил. Бабушек и дедушек, в отличие от тебя, у меня не было. Они до моего рождения умерли. Вот и рос я никому не нужный и забытый. А когда мать умерла, отец долго пил – не до меня ему было.

– Все правильно Эд, но послушай меня. Ты сильно любил маму?

– Конечно.

– И она просила тебя хорошо учиться и быть прилежным мальчиком? Слушаться отца?

– Да, всегда. И даже когда болела, помогала по учебе.

– Думаю, не сильно ошибусь, если скажу: в детстве ты верил, что если будешь хорошо учиться, то мама обязательно поправится?

– А ты откуда знаешь? – от недавней обиды Эда не осталось и следа.

– Я сам такой, – Мэлор был сосредоточен, говорил кратко и четко. – У тебя произошел внутренний конфликт, который лег в основу твоего угнетенного состояния. Ты потерял веру. Точнее, ты верил в нечто нереальное, и реальный мир жестоко тебя наказал. Твоя вера в то, что хорошая учеба поможет матери выздороветь, стала твоей сверхреальностью.

– Ты ведь и в университете хорошо учился?

– Почти на отлично.

– И тут отец ушел от тебя к незнакомой женщине.

Эд лишь кивнул, не понимая, куда клонит Мэлор.

– И тебя накрыло второй волной. Установка — хорошая учеба ведет к хорошим жизненным последствиям, снова дала сбой. Точнее, она сбила всегда. Ведь в школе, мягко говоря, не слишком любят «ботанов». Но ты держался за свое убеждение до последнего. Ведь это самое сильное убеждение в твоей жизни – твоя вера, а по совместительству мощный «якорь», поставленный тебе матерью. И ты, не тот ты, что на поверхности, а другой, маленький, глубоко в твоём подсознании, оказался разорван этим «якорем», когда его сорвало с места, после ухода отца. Единственное, что ты смог сделать – обвинить его во всем и помчаться в пучину безумия. Отец лишь спусковой крючок, не больше. Скажи, ни о чем подобном до настоящего момента ты даже не думал, не так ли?

Мэлор оторвался от дороги и взглянул на товарища. Эд сидел, сторбившись, прижав руки к лицу. Судя по часто вздрагивающим плечам, он плакал.

– Ничего-ничего, – Мэлор осторожно оторвал руку от руля и погладил Эда по спине. – Это хорошо. Плакать хорошо. И смеяться хорошо. Ты подумай над моими словами. Это может помочь.

Взяв пачку сигарет с «торпеды», Мэлор закурил. Далеко впереди, там, где дорога превращалась в точку, между двумя поросшими березовой рощей холмами показался небольшой комплекс одноэтажных строений. «Придорожное кафе «Лесной привал» – 2 км» – прочитал Мэлор надпись на приближающемся дорожном щите.

– Слушай, Эд, мы почти три часа в дороге, ты перекусить не хочешь? – предложил он, желая отвлечь товарища от грустных мыслей.

– Можно, – согласился тот, хлюпая носом и вытирая рукавом бегущие слезы и сопли.

– Отлично! Видишь впереди кафешку? Если там подают шашлык, то я съем самую огромную порцию, – жизнерадостно заявил Мэлор, глядя на приближающиеся здания, – или две.

– А я салат рыбный хочу, – Эд потихоньку приходил в себя.

Подъезжая к «Лесному привалу», они заметили дымящийся у небольшого сарая мангал.

– А вот и шашлыки! – обрадовался Мэлор.

Приоткрыв окно, он жадно втянул полную грудь воздуха.

– А запах! Какой прекрасный запах, аж слюнки текут. Жизнеутверждающее зрелище!

Въехав на площадку, он припарковал машину прямо напротив входа в кафе.

– Ну, ты готов к «дозаправке»? – спросил Мэлор, заглушив двигатель.

– Готов, – совершенно спокойно ответил Эд.

Выглядел он вполне нормально, если не считать красных глаз.

«Лесной привал» оказался заурядным кафе: пластиковые столы, пластиковые стулья, пластиковая посуда – сплошная гегемония нефтепереработки. Народу в кафе не было. За прилавком стояла молодая, почти симпатичная продавщица с ярко выраженным птозом верхнего правого века.

– Что будете заказывать? – спросила она, как только они вошли.

– Мне шашлык, хлеб и нарезку овощей, – моментально откликнулся Мэлор, – и соку томатного пол-литра.

– А вам?

– А мне салат рыбный, – ответил Эд, разглядывая витрину с пирожками.

– Рыбного нет.

– А какой есть?

– Цезарь, винегрет, оливье.

– Хм... богато. Тогда порцию цезаря, беляш и чай, – определился с рационом Эд.

Сделав заказ, товарищи уселись в дальнем углу зала, у небольшого окна с видом на береговую рошу.

За окном, выглядывая в молодой траве поживу, вальяжно прогуливался огромный ворон. Заметив движение, ворон сердито каркнул и нехотя взлетел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.